

№ 12

ISSN 0132—2141

Сергей СМИРНОВ

ИЗБРАННОЕ ИЗ ИЗБРАННОГО

Дружеский шарж Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

О Муза, Муза, самой полной мерою
Я с юных лет в тебя, богиня, верую.
Ты служишь мне — то в эпосе, то в лирике,
То вдруг толкаешь чуть ли не в сатирики.
Ты мне диктуешь действовать, не мешкая,
Крепить контакты с шуткой и усмешкою.
И, значит, пусть под рифму мысли нижутся,
И пусть покажет людям наша книжица,
Что, мол, для нас отнюдь не посторонние —
Ни Юмор, ни Сатира, ни Ирония!

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

№ 12
(1048)

Сергей СМЕРНОВ
ИЗБРАННОЕ
ИЗ
ИЗБРАННОГО

Рисунки М. АБРАМОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК КПСС
«ПРАВДА»
1988

САМОИРОНИЯ

Зачем греметь во что бы то ни стало
Да мельтешить все время на виду?
Я на основе личного устава
Совсем другую линию веду.

Творю, когда приказывает Муза.
Равнение лишь на классиков беру...
В руководящих органах Союза
Царят мои собратья по перу.

Пускай царят, на благо мне и прочим,
Пусть рой похвал венчает их труды.
Клянусь, что мой регламент не просрочен
Средь суверенной творческой среды.

Мне любо то, что я бросаю вызов
Любим явлениям возраста пока.
И мнится, что каратами сюрпризов
Нет-нет да закристаллится строка.

Еще душе присуще излученье,
В ладонях зуд, хоть Синих птиц лови.
Живет певец — союзного значенья —
И служит богу избранной любви.

ЛИРИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

ВЕСЕЛЫЙ ХАРАКТЕР

По-моему, мало быть пышно одетым,
Транжирить червонцы, как медь,
По-моему, много полезнее — это
Веселый характер иметь.

Веселый характер со смелыми дружен,
От разных недугов далек.
В труде и походе он ценен и нужен,
Как будто в золе уголек.

И лучше уж жить в небогатых хоромах,
Не зная изысканных благ,
Чем грусть наводить на друзей и знакомых, —
По-моему, именно так.

Хотелось бы мне до последнего вздоха
Не хныкать ни в стужу, ни в зной,
Работать и знать, что живу я неплохо,
Что людям не скучно со мной.

Я ПОМНЮ СКАЗКУ

Я помню сказку:
В ней была царица,
Она в богатом тереме жила.
Она в саду гуляла ежедневно,
А по ночам царевича ждала.

И вот, когда в лесу темнели елки,
А месяц выплывал из-за берез,
Пришел царевич и на сером волке
Царевну эту самую увез.

И точно так же чуть не каждый день я
Мечтал такого волка завести
И точно так же, всем на удивленье,
Из терема царевну увезти.

Но серый волк пришел однажды ночью,
Мою собаку звал на все лады,
И вызвал, и оставил только ключья,
Да красный снег, да темные следы.

И я узнал, что друга-волка нету,
Что не нужны царевичи совсем.
И стало ясно, что царевна эта
Живет напротив, в доме номер семь.

И сколько лет прошло—
Гляжу и просто
От слова удержаться не могу:
Прощайте вы, считающие до ста,
Друзья мои, я к вам не прибегу!

Прощайте, сказки! Я вам долго верил.
Прощайте, самопалы и галдеж,
И школьные захватанные двери,
В которые обратно не войдешь.

ОГОНЕК

Кто идет к заветной цели,
Тот повсюду замечал:
Огонек во всяком деле
Есть начало всех начал.

Рвется к бою, жаждет бури
Каждый парень-паренек,
Если есть в его натуре
Этот самый огонек.

Не теряя слов напрасно,
Мы не прочь сказать тайком:
— Эта девушка прекрасна,
Потому что — с огоньком!

С огоньком сдаем зачеты,
Строим, сеем с огоньком
И владеем пулеметом,
Как отбойным молотком.

Пусть над миром тьма густая,
Огонек — наш верный друг.
Нам велит

Одна Шестая
Не ронять его из рук,

Жить, шагая в ногу с веком,
Делать вещи на века
И являться человеком,
Не лишенным огонька!

ВСЕМ ТОВАРИЩАМ СМИРНОВЫМ

Не говоря о тezках новых,
В родной деревне у меня
Живет четырнадцать Смирновых,
Моя родня и не родня.

А школа сельская! И снова
В уме проходят ярче снов
Сперва Смирнов, потом Смирнова,
Потом еще один Смирнов.

И где, скажите, нет Смирновых?!
Они в полях, они в садах,
В лесах сосновых, не сосновых,
Во всех союзных городах.

Они заведуют цехами,
Рисуют, пашут, и куют,
И занимаются стихами,
И даже арии поют.

И вдруг конфуз такого рода:
Я из газеты узнаю,
Что недруг нашего народа
Носил фамилию мою.

Губитель дел и жизней новых,
Смирнов, развенчанный судом,
Мою фамилию Смирновых
Покрыв позором и стыдом.

Я это чувствовал не просто:
Я замышлял, не утаю,
Из-за него, из-за прохвоста,
Менять фамилию свою.

Но предо мной возникли снова—
Они возникли ярче снов—
Сперва Смирнов, потом Смирнова,
Потом еще один Смирнов.

Родня возникла постепенно,
Мой дед, когда-то полный сил,
Который гордо и степенно
Мою фамилию носил.

Он жито сеял, избы ставил,
Он первый был на молотье
И только светлые оставил
Воспоминая о себе.

И моментально стало ясно,
Чего сперва не мог понять,
Что я хотел совсем напрасно
Свою фамилию менять.

Случись такая перемена,
И было б ясно до конца,
Что это явная измена
Отцу и родичам отца.

Нет, всеми силами своими
Клянусь на будущие дни
Хранить фамилию во имя
Моей родни и не родни.

Во имя вас, собратьев новых,
Хранящих Родину, как дом,
Во имя армии Смирновых,
Живущих праведным трудом!

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Я не лобызаю дамских ручек,
Как медведь, пожму — и был таков.
Но природа вежливости учит
Даже нас, типичных мужиков.

Накопал червей, наладил донки,
Прихватил подобие весла
И плыву на лодке-плоскодонке
По реке, где щукам нет числа.

Для меня посвистывают птицы
И тепло струится по земле.
Так и тянет низко поклониться
Низко наклонившейся ветле.

Так и хочешь подозвать березку,
Расспросить: откуда ты и чья?

Подарить ей модную расческу
И достать кувшинку из ручья.

Впереди бобровая запруда,
А над нею яблонька в цвету.
«С добрым утром, маленькое чудо!
Где взяла ты эту чистоту?»

Обернулась яблонька-дикарка,
Отразилась в медленной волне
И, дороже всякого подарка,
Потянулась веткою ко мне.

Видимо, ее не пригибали,
Ну, а я дерзнул не по летам
И припал шершавыми губами
К молодым нетронутым цветам.

И поплыл с веселостью нахала,
А она без лишней суеты
Мне прелестной ручкой помахала,
Облаченной в белые цветы.

В МУЗЕЕ

Узрела Купидона — и ни с места
Девчонка на высоких каблуках.
Эй, будь поосмотрительней, невеста,—
Веселый бог проворен и лукав!

Он сохраняет милое молчанье,
Но достает свой лук из-под крыла.
И жаждет цели, светится в колчане
Не знающая промаха стрела.

ЕСТЬ ЖЕ ДЕВУШКИ НА СВЕТЕ

Есть же девушки на свете,
Поглядишь — и... ты в плену.
Нам пришлось такую встретить
По дороге на войну.

У крыльца она сидела,
Вроде кружево плела.
Увидав такое дело,
Мы спросили: «Как дела?»

«Ничего», — она сказала,
Улыбнулась только раз.
Но еще приятней стало
Мне и каждому из нас.

Косу пепельного цвета
Так поправила она,
Что вздохнул в ответ на это
Сам товарищ старшина.

И, хотя привал короткий,
Каждый вытер свой значок.
Все одиннадцать пилотов
Стали больше набочок.

Не хотелось торопиться,
Но сидеть приказа нет...
«До свиданья, мастерица!»
«До свиданья!» — был ответ.

Вот и все, что мы сказали
На прощанье у крыльца.
Но, как будто на вокзале,
Что-то тронуло сердца.

Вышли в поле мы... А там уж
Затянул товарищ мой:
«Не спешите, девки, замуж,
Мы воротимся домой!»

КОТЕЛОК

*Панфиловцу-однополчанину
П. В. Логвиненко*

Обронил я во время похода
Котелок на одной из дорог.
Набежавшая сзади подвода
Исковеркала мой котелок.

Пострадал неизменный товарищ,
Превратился в бесформенный ком.
Это значило — каши не сварить,
Не согреешь себя кипятком.

Котелок никуда не годится,
Но его я исправил как мог.
И задумали мы убедиться,
Подведет или нет котелок.

Первым долгом картошку сварили,
В котелке разварилась она.
После этого чай смастерили,
Котелок осушили до дна.

И в наплыве табачного дыма
Сделал вывод бывалый стрелок,
Что для воина все достижимо,
Лишь бы только «варил котелок»!

ИЗБРАННИЦА

Я тебе поведаю историю
Об одной избраннице, которая
Для меня светлей и неизменнее,
Чем дыханье,
Чем сердцебиение:

Ей, наивной и послушной дочери,
Жениха божественного прочили.

Он ее, на иждивенье взятую,
Ослепил бы заработной платою;

Одарил бы шляпами, платками ли,
Спеленал бы импортными тканями.
Но она (о ветреность невестина!)
Поступила противоестественно.

Почему-то выбрала не этого,
А другого, кое-как одетого.
У него, весьма невидной личности,
Только муки творчества в наличности.

Ходит молча, хмурится, печалится...
«Что с тобой?»
«Строка не получается...»
А невеста, как звезда-попутчица,
«Не печалься, — говорит, — получится!»

Он губами губ ее касается:
«Ой, спасибо, девица-красавица!» —
И среди полночного затишья
Создает свои четверостишья.

Без труда,
 как говорит пословица,
Даже рыбка из пруда
 не ловится...
Он устанет, он душой изранится.
«Отдохни», — советует избранница.

В трудной роли первого ценителя
Принимает строки сочинителя.
Для него лучатся очи серые:
«Я в тебя, непризнанного, верую!..»

Пусть друзья глядят не без иронии.
Пусть судачат люди посторонние,
Но спокойно всем оповещается:
«Не мешайте!..
 Строго воспрещается!..»

ДОРОГОЙ МАТРИАРХАТ

Мы ничьих заслуг не преуменьшим,
Коль совместно скажем: «Это — да!»
Новый год назвали Годом женщин,
А у нас такие все года.

С давних пор отметку загса свято
Я храню (другие не нужны!)
И приемлю власть матриархата
В перманентном образе жены.

Ты мое естественное чудо,
Ценишь все способности мои:
Сам порой варю любые блюда,
Сам готовлю кофе да чай.

Ты меня воспитываешь зрело,
Как сердечный друг, жена и мать.
Я твои критические стрелы
Не хочу из сердца вынимать.

Всё у нас на редкость совместимо.
Не нужны ни ложь, ни ложный стыд.
Ты мне столько всякого простила,
Сколько сам всевышний не простит.

И за все за то, что ты такая,
Что тебе все ноши по плечу,
Я, худым делам не потакая,
Стать завзятым рыцарем хочу.

Я тебе, с минорностью и шуткой,
Предан весь, от головы до пят.
Будь же вечно женственной и чуткой,
Дорогой ты мой матриархат!

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Ночь.

Температура нулевая.

Город все огни свои зажег.

Дворникам пощады не давая,

Неустанно падает снежок.

На глазах у милиционера

Он в трамвай садится на ходу.

Я по незатоптанному скверу

Со своей единственной иду.

А она сердито мнет перчатки

И упреки сыплет то и знай:

Мол, примчался чуть ли не с Камчатки

И опять готов хоть на Дунай.

Дескать, я оседлости не знаю

И теряю к дому интерес.

То меня уводит посевная,

То огни какой-то дальней ГРЭС.

И выходит, будто путь далекий

Мне дороже нежности любой...

Милый друг, подобные упреки

Не имеют почвы под собой.

Чем шуметь и омрачать свиданье,

Улыбнись и выслушай меня:

Человек без нового задания—

Все равно что печка без огня.

И давай запомним, друг мой милый:

Нынче мало Родину любить—

Надо,

чтоб она тебя любила,

А таким не просто стать и быть!

Ты получишь ее,
Как хозяйство хозяйка,
Как безбрежную даль острокрылая чайка.
И живи на здоровье
Просторно и ярко.

Если будешь достойна
Такого подарка!

ЦАРЬ-ПУШКА

Есть у нас в Кремле на видном плане
Пушка бесподобная одна.
Не грозит,
 не бредит полем брани,
Не стремится властвовать она.

Не подвластна воле бомбардира,
Не причастна к буйству канонад.
Русская
царь-пушка—Пушка мира,
Вековой
Наглядный экспонат!

САМОЧУВСТВИЕ

Расскажу вам по секрету,
Да простит меня аллах,
Как я стал авторитетом
В заседательских делах.

Началось довольно просто:
Люди умные вполне
Искру творческого роста
Обнаружили во мне.

Похвалили за натуру,
За веселое перо

И мою кандидатуру
Дружно двинули в бюро.

И, лиха беда начало,
Был я выдвинут потом
В редколлегию журнала,
В три комиссии притом.

Наступила жизнь другая:
Я повсюду на виду—
То в президиум шагаю,
То с трибуны речь веду.

Представительный мужчина,
Я — в числе секретарей.
...Персональная машина,
Секретарши у дверей;

Встречи, речи, даже тосты,
Стал как яблочко ранет...
Но для творческого роста
Никаких просветов нет.

Тут набрался я отваги
И при помощи пера
На простом листе бумаги
Выдал правду на-гора,

Мол, служу я неохотно
И решительно готов
Отказаться от почетных
Занимаемых постов.

Мол, противиться не надо,
И прошу иметь в виду:
Как в отставшую бригаду,
Я в Поэзию иду...

Пусть в певучем нашем цехе
Нет гагановских бригад,

Пусть не те еще успехи
Да и опыт небогат,

Но сюда приходит Муза—
От зари и до зари:
«Эй, товарищ, член Союза,
Зажигайся!.. И твори!..»

Больше нет унынья злого.
Жизнь трудна и хороша.
И ударной силой слова
Снова полнится душа!

ВЫХОД ИЗ... ПОРАЖЕНИЯ

Соперничество есть соперничество.
А если ты опережен,—
Легко

насупиться,
разнервничаться,
«Полезть в бутылъ» и на рожон.

Нет!
Подтянись духовно, качественно.
Все компоненты взвесь,
прозри.

И обскачи
победно скачущего,
Будь первым,
Хоть на полноздри!

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

*Главврачу курортной поликлиники
города Ялты*

Хоть кручинься, хоть печалься,
Здесь — в отечестве своем —
К вам, товарищ медначальство,
Я стремился на прием.

То ли помом, то ли замом
Принят был накоротке,
Рассказал, что в этом самом
Я родился в городке,

Что спустя почти полвека
Вновь увидел город наш:
Разрешите человеку
Посещать «лечебный пляж».

Врач, как свойственно вельможам,
Величаво произнес:
Мол, ничем помочь не можем...
И уткнул в газету нос.

Вышел я из кабинета,
Плюнул в урну и ворчу:
Ну и встреча, бога нету,
Как не совестно врачу?!

Ведь сюда, где все родное,
Я давным-давно влеком.
Ведь оно воспето мною,
Как поэтом-земляком.

Сел я около акаций,
Снял с себя свое рядно
И купаюсь, где купаться
И лежать запрещено.

Тут блаженствую со всеми,
Загораю до зари.
Тут базируется племя
Под названьем «дикари».

И, друг другу свет не застя,
Мы вопросы задаем:
Для чего разбит на части
Черноморский водоем?

Пляж шахтера, пляж актера
Или вот — «лечебный» ваш...
Эх, сломать бы все заборы
Да создать единый пляж!

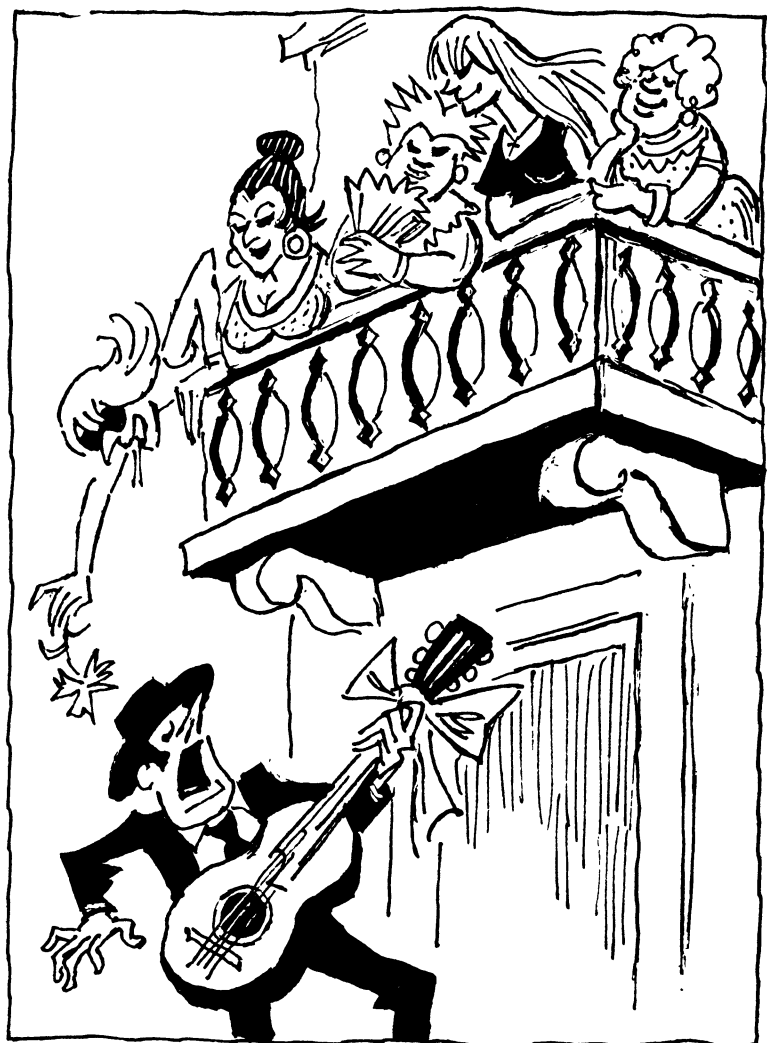
Пусть по берегу проляжет
Средь таврических красот
Мировой лечебный пляжик
Километров на пятьсот.

Он же куплен нашей кровью.
Пусть сюда со всех широт
Приезжает на здоровье
Весь трудящийся народ.

Пусть сольется воедино
Море мизерных морей.
Пусть товарищ медицина
Станет
Чутче и добрей!

БАРДУ-МНОГОЛЮБЦУ

Перечтешь,
и сердцу станет жарко
(Кипень чувств, сверканье, гром и гул!):
Так влюблялись Данте и Петрарка
Или тот же «бешеный Катулл».
Всепланетно здравствует их гений,
То земной, а то и неземной,—
Чуть не все собрание сочинений—
Даме сердца! — избранно-одной!..
А заглянешь в сборники,
что ныне
Публикует кое-кто из нас:
Дама сердца?! — нет такой в помине,
Персонально «списана в запас».
Вот пиит, беспечно сбросив бремя

— 112 — 88

Собственной супруги и семьи,
Как в воображаемом гареме,
Дарит всем симпатии свои.
Он в стихах любого габарита
Прямо-таки лезет на рожон:
— Я люблю вас, женщины! — открыто
Режет слух несметным тиражом.
Можно бы пройти с улыбкой мимо,
На такую блажь махнуть рукой,
Но певец безбрежного интима
Знать не знает меры никакой.
В роли многолюбца-перестарка
Он поет, морщинист и сутул...
И вздыхают
Данте и Петрарка,
И немеет
Бешеный Катулл!

К ЗАКОНУ ОБ ОХРАНЕ...

Не сочтешь людских усилий,
А природа-то одна:
Ох, уж это—
— Покорили!..
— Покорен!..
— Покорена!..
Если хочешь год от году
Украшать за краем край,
По-людски люби природу,
А не только покоряй!

СТАРОЖИЛЫ

День рыбалки.
Рыбинское море.
Результаты явно неплохи.
Общими усилиями вскоре
Полведра сварганили ухи.

Подтверждать, что все нам по плечу.
В пику литбогам и литповесам
Сам себя иронией лечу.

Пусть в энциклопедии ни слова
О тебе, умельце наших дней:
Для коллег главреда А. Суркова,
Видно, что-то видного видней.

Пусть в СП лихая секретарша
Нам речет:
— Вот Пушкин — это да!..
Но и мы стремимся быть на марше.
Время — не инертная среда.

Впасть в минор?
О нет, ни в коем разе!
Здесь оптимистичинка нужна.
Ты на стрежне лет — не Стенька Разин,
Муза — не персидская княжна.

Пусть тебя возвысит и пронижет
Приближенье личных круглых дат.
Пусть из «ста твоих партийных книжек»
Сводный том издаст Гослитиздат.

Пусть роднятся строки те и эти.
Пусть растет их знатная семья.
Есть резон счастливо жить на свете!—
Вот она,
Религия моя.

ДВУЕДИНСТВО

Не первой молодости оба,
Не героиня,
 не герой...
Вот так мы, скромные особы,
Иронизируем порой.

Иронизируем во имя
Того, что здравы до сих пор,
Что, как герой и героиня,
Ведем с судьбиной вечный спор.

Ведем и рушим все напасти.
Союз сердец прочней брони.
И вновь Бюро Прогнозов Счастья
Сулит нам вёдренные дни.

БЕРЯ РЕАЛЬНОСТЬ ЗА ОСНОВУ

*(Сергей Смирнов —
себе, Смирнову)*

А ну, ответь, какого черта
Ты сник на поприще стиха?
Коль жизнь, как пашня, распростерта,
Светли стальные лемеха!

Опять пора за рифмы браться,
Стремить полет карандаша.
Пора излить, хотя бы вкратце,
Все то, чем полнится душа.

У нас поэты есть, и даже
Их речь по-своему нова.
Но так, как ты, никто не скажет.
Итак — ищи свои слова.

Твори, соперничай и снова
Командуй собственной судьбой.
В добыче строк — всему основа—
Лишь ты,
Да я,
Да мы с тобой!

УЛЫБНЕШЬСЯ И ВЗДОХНЕШЬ

А. Н. Вертинскому

Стал стареть, вздыхаю через силу:

Где ты, юность?

Как твои дела?

«Господи,

хотя бы позвонила

Или к телефону подошла!»

Но, увы, ушла она куда-то.

Ни ее, ни отзвука извне...

За ненахождением адресата

Вздохи возвращаются ко мне.

Юность — это все, что сердцу мило.

Юность — два распахнутых крыла!

«Господи, хотя бы позвонила

Или к телефону подошла!»

ЧУВСТВО ЮМОРА

Я живу и не шикую,

Сочиняю не спеша

И ценю строку такую,

Где пульсирует душа,

Где раздумье не угрюмо,

А скорей наоборот,

Где наличествует юмор,

Как в природе кислород.

Но пороешься в журнале,

Юмор, юмор, где же ты?!

Почему тебя загнали

На последние листы?..

И, улыбке зная цену,

Я сочувственно вздохну

И припомню неизменно

Ситуацию одну.
Шумный цирк.
И в шумном цирке—
Рыжий клоун у ковра.
Экивоки, подковырки
Выдавал он на-гора,
Наблюдал за дамой сердца,
Опускал курносый нос.
Он ей сердце цвета перца
Персонально преподнес.
Он терялся перед нею,
Забывая о себе.
Но аренная Психея
Не вняла его мольбе.
Вроде павы суверенной
Вышла с зонтиком она,
Где канат над всей ареной
Был натянут как струна.
Оторвалась от помоста
В наступившей тишине
И давай легко и просто
Танцевать на той струне.
По трибунам—гул стоустый.
Восхищенье. Гром ладош.
Бесподобное искусство!
Лучше нет и не найдешь!..
А затем поднялся клоун
На канат—и хоть бы хны:
Вскинул ногу, как весло, он,
Ухватился за... штаны.
И не робкого десятка
Оказался мужичок—
Подмигнул, пошел вприсядку,
Сдвинул кепку набочок.
Поскользнулся и моментом
На штиблетине повис...
Сразу гром аплодисментов,
Хохот, вызовы на «бис».
И тогда он сверх программы
С тонкой тросточкой в руке

На канате том же самом
Полежал, как в гамаке.
Пересмешник и задира,
Он спустился прямо в зал.
«Вот вам юмор и сатира!»—
Как бы каждому сказал.
И с хорошим чувством:
«Нате!» —
Просиял среди огней,
Мол, на том же на канате
Наше дело посложней!..

САТИРИЧИНКИ

АКУЛА И КАРАСЬ

Спросил Карась однажды у Акулы:
— Зачем тебе такая пасть,
Такие зубы, скулы?..
А та в ответ переспросила:
— Ась?!
И кто ответит—
Где теперь Карась.

БАЛОВЕНЬ ВСЯЧЕСКИХ ПРЕМИЙ

Не пирамидален,
Но переМЕДАЛЕН.

БОБЕР-КУЛАЧОК

Все звери к Бобру обращаются хором:
— Зачем ты от нас отделился забором?!
Бобер отвечает в интимной беседе:
— Чем крепче забор,
Тем приятней соседи!..

БОБИК-ПОДХАЛИМ

И нюх плохой,
И даже масть плохая,
Но Бобик стал превыше всех собак.

— А как?
— Да очень просто:
Он чихает,
Когда хозяин нюхает табак.

БРОДЯГА-ШАВКА

Взяла труды старателя Вола,
Облаяла и дрянью назвала.
— Зачем ты, Шавка, лаешь на Вола?
— Боюсь, его испортит... похвала.

ВЕЛЬМОЖА

Руководил—
Рукой водил:
Мол,
«Мы — умы,
А вы — увьи!»

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

— С чего — не понимаю, хоть убей,—
Сказал ошеломленный Воробей,—
Вдруг
Сам Индюк
 мне... руку пожимает?
Его, наверно, с должности снимают?!

ВОРОБЕЙ-ИМПРОВИЗАТОР

Импровизатор Воробей
Изрек:
«Живи и не робей—
Сначала завизируй,
Потом импровизируй!»

ВТОРАЯ НАТУРА

У кошки Мурки дом сгорел дотла.
До пса Трезора эта весть дошла.

— О ужас!—

произнес он еле внятно.—

Сочувствую...

А все-таки... приятно!

ВЫСОКОМЕРИЕ

— Смотри,

как высок

Вон тот Колосок!

— Постой, постой!

Ведь он же пустой!

ДЖЕК И ЖУЧКА

Джек лобызал ей трепетные ручки

И предлагал ей сердце во дворе.

Но,

говорят,

женился не на Жучке,

А на ее удобной Конуре.

ГНИЛОЙ ОРЕХ

Он на виду

И даже в силе,

Пока

его

Не раскусили.

ЗАРУБКА НА... ПАМЯТЬ

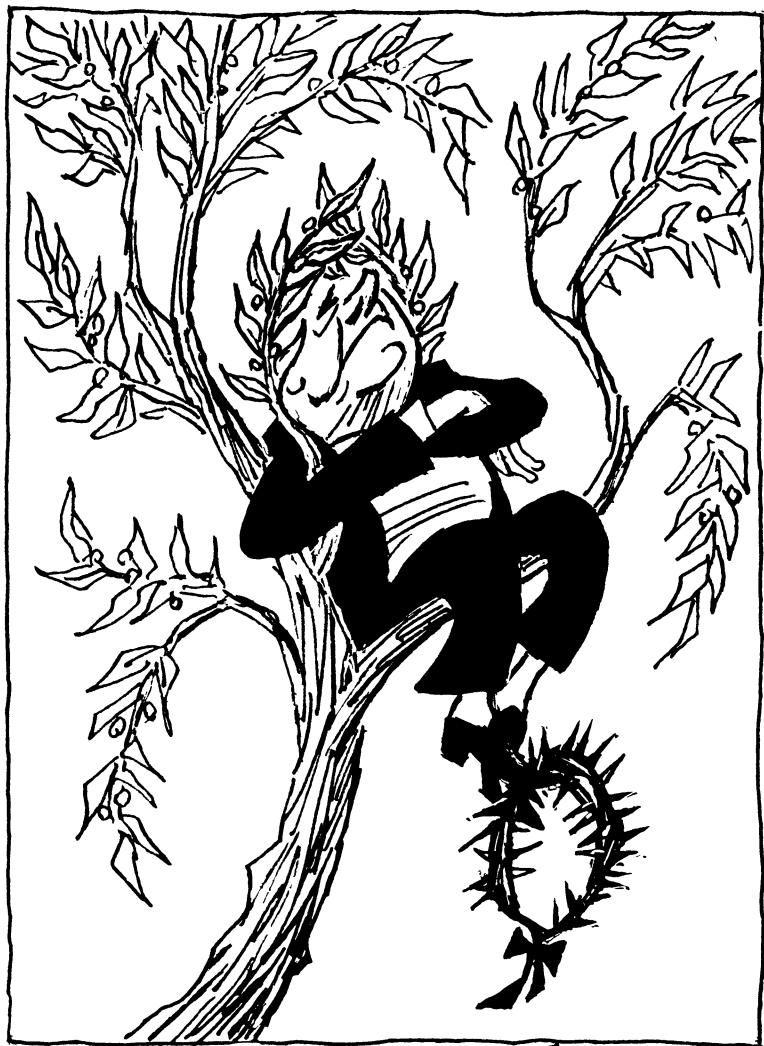
Есть для каждого творца

Аксиома на века:

Без Тернового венца

Нет

Лаврового венка!

ДРОЗДЫ ПРАВЛЕНИЯ

Взаимно

Дрозд
Хвалил Дрозда:
— Вот это рост!
— Вот это — да!..

Тут процветает мания
Взаимоподнимания.

ЕНОТ-ПЕРЕВОДЧИК

Почти со ста наречий

книжки

Переводил без передышки.
И стал квадратным из худышки
От переводов
На сберкнижке.

«ЖУ-ЖУ»

Писатель Жук, услужливо жужжа,
Поит вином издателя Ужа.
Коль тут вино — не разновидность взятки,
То надо полагать,
Что «всё в порядке».

ЗНАМЕНИТОСТЬ

На щит

подняли Комара:

Он выдал песню на-гора.
И остается на щите
Во всей вокальной нищете.

КОРОТКО И ЯСНО

Сидит и применяет слово
«Цыц!»
Для воспитанья
Подчиненных лиц.

КОТ-ВАЛЕРЬЯНЕЦ

Опять сидит «под мухой» Кот.
Он валерьянку пьет и пьет.
Ему усы отгрызла Мышь,
А он поет:
«Шуме-ел камы-ы-ыш!..»

КРИСТАЛЛ

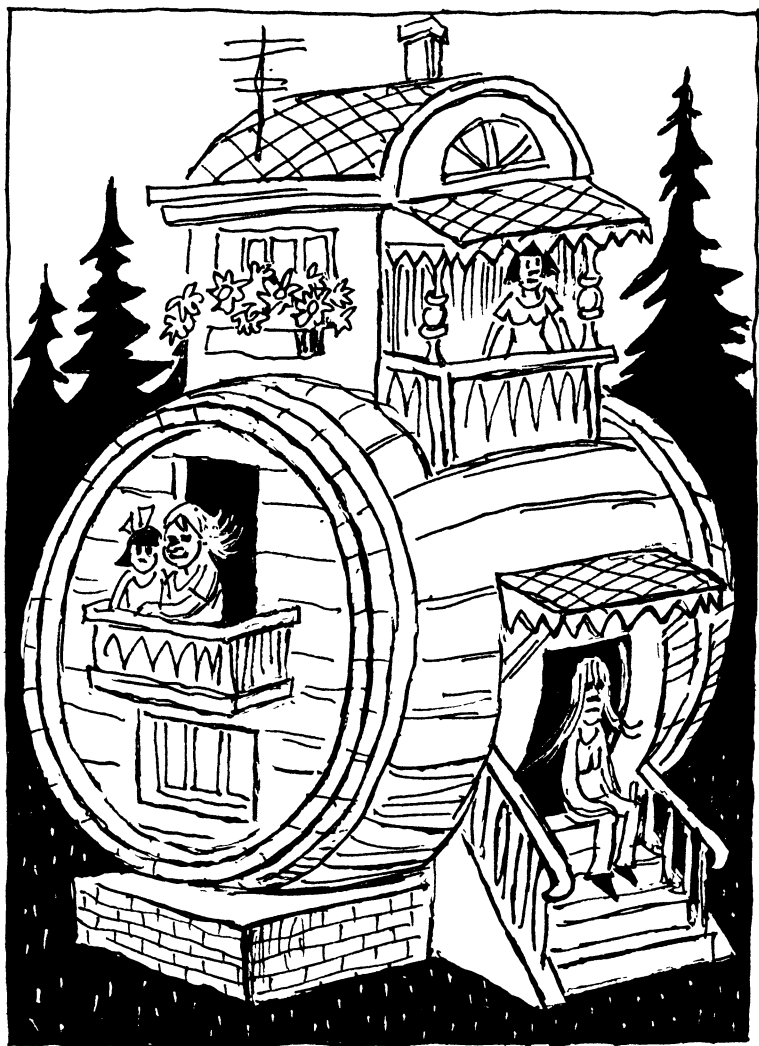
Не в ту средú
попал
Кристалл,
Но растворяться в ней не стал:
Кристаллу
не пристало
Терять черты Кристалла.

ЛОВЕЦ-ЛОВЧИЛО

Проста
Его пословица:
«Коль
нет поста,
Пост
Ловится!»

ЛУКАВЫЙ ДОН-ЖУАН

Жил-был Петух,
Он «был резóв, но мил»,
Окрестных кур пленял не без пижонства.
...А однолюба Голубя
клеймил
За... многоженство.

ЛЖЕ-ДИОГЕН

Ну и шутник у нас товарищ Эн!
— Я,— говорит,— живу, как Диоген...
А сам притом
Вселился в новый дом
Да прежним женам и любимой дочке
Оставил многокомнатные «бочки».

МАСТИТОМУ И ВЕДУЩЕМУ

Итак,
 зовясь маститым и ведущим,
Не засти света
За тобой идущим!..

МЕТОД ЗАМАЛЧИВАНИЯ

«Ай, Моська»!
 До чего ж
 она
 сильна:
Не хвалит...
И не лает
 на Слона.

МОРАЛЬ

Осел
 Ослу
 помочь бессилен
В приобретении
Извилин.

НЕВИДАЛЬ

— Заходи!—
 напомнил Еж
 Ежу,—
Я тебе...
 иголки покажу!

НЕ ТОТ ПОДХОД

С Мусором
 не справилась Метла,
Ибо
 снизу
 Лестницу мела.

ОБМАНЧИВАЯ ВНЕШНОСТЬ

Шикарно
 Книга
 переплетена,
Но...
 в Переплете
 вся ее цена.

ОРЕЛ-ПЕРЕРОЖДЕНЕЦ

Жил-был Орел.
И помнится, что он
Сраженья вел
Со стаями ворон.
А ныне примирился всесторонне.
Мораль:
Его
 женили
 на Вороне.

ОРИГИНАЛ

Пел Соловей на весь притихший зал,
А Хряк в тиши поднялся и сказал:
— По-моему,
Все жанры хороши!
И в подтвержденье
 хрюкнул от души.

ОТЦЫ И ДЕТУШКИ

С чего Медведь ссутулился, зачач
И собственным дыханием греет ноги?..
А он взрастил таких прелестных чад,
Что выставлен из собственной берлоги...

ПЕНЬ И ВИДНАЯ СТУПЕНЬ

Сидит, бесстрастен и белоголов,
Во всем боится остроты углов.
Зачем же

занимает

Пень

ступень сию?

 OH

Ожидает

Выхода на пенсию.

ПЕРСОНА БЕЗ ПОСТА

Не чтут и не звонят по телефону.
В чем дело?

А секрет довольно прост:

Все уважали вове не Персону,

А занимаемый Персоной пост.

ПЕТУХ-ЛИЦЕМЕР

В любовной драке

выдрал потроха

У ближнего собрата Петуха,

А говорят, что ревность—

Это древность.

ПЕТУШИНОЕ МНЕНИЕ

Сказали Петуху:

— Ты, Петя, зря

Поешь вовсю

Ни свет и ни заря...

— Как это зря?! — распетушился тот.
— Без «ку-ка-ре-ку»
Солнце не взойдет!

ПЛОДЫ ЗАХВАЛИВАНИЯ

Пылало Вдохновенье

и погасло:

В него подлили слишком много Масла.

ПОПУГАЙ-КОМПОЗИТОР

Он держится принципа:

С миру по нотке.

Во всех его песнях — чужие находки.

ПРОБКА-РАСТОРОПКА

Ни грозный Вал, ни злой Водоворот —

Ничто на свете Пробку не берет:

Мелькнет средь пенных вод,

Нырнет до дна

И снова на поверхности она.

ПРОИГРЫВАТЕЛЬ

Его восторг,

Его волнение

Всегда —

итог

Чужого мнения.

САМ И ЕГО ЗАМ

В кресле

Вряд ли нужен

Сам,

Если

Все решает

Зам.

РАЗДУТЫЙ АВТОРИТЕТ

Над ним
одним
все — нимбы,
нимбы.

Побольше
Тёрниев
Над ним бы!

РЫБАК — РЫБАКУ

— Каков
улов?
— Всего один Карась,
Но
вот такая Щука...
соВРалась.

РЫБА-ПРИЛИПАЛА

В плеяду избранных попала.
И не теряется опять:
Ох, знает Рыба-прилипала,
К кому-чему ей прилипать!

СЕКРЕТ СВЕРХИЗВЕСТНОСТИ

Любимец муз не сплеховал,
Издав стихов своих собрание:
Он
рецензентский
Шквал
Похвал
Со-
ор-
га-
ни-
зо-
о вал
Заранее.

СТОЛБ И СТОЛП

Беда,
 когда
Считает Столб,
Что он — не Столб,
А видный Столп.
Ведь от Столба
И до Столпа
Зело тернистая тропа.

ТВОРЧЕСКИЙ ЗАСТОЙ

Отдохновенье
От... вдохновенья.

ТИП ТИПЫЧ

Обоймет рукою липкой,
Чмокнет, нежен и мордаст,
А простясь, кивнет с улыбкой
И — восторженно... предаст.

ТОТ! — ФЕДОТ

Тут правде соответствует едва ли
Определение,
Что Федот — не тот:
Еще кандидатур не называли,
А он уже в президиум идет.

УЛЫБКА-РЕЗЮМЕ

О пестрой публике на пляже
Сказал Поэт, ему видней:
— Вокруг — «все возрасты»
 и даже
Тела — «давно минувших дней»!

ТАЛАНТ БЕСТАЛАННОСТИ

Особенных талантов не видать,
Зато умеет сам себя подать!

ФАКТ И ВЫВОД

Зуб Мудрости вдруг вырос у Осла.
Но мудрость у Осла не возросла.
Отсюда вывод, жизненный сугубо,—
Что Мудрость происходит не от Зуба.

ФЛЮГЕР И КОМПАС

Хотя предметы
Чем-то схожи,
Но это
Не одно и то же!

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

«Уж сколько раз
Твердили миру»
Об уважении к Мундиру.
Он уважается,
пока
Туда не втиснут Дурака.

ХАМ-КАРЬЕРИСТ

Осуществил свой замысел,—
К одноХамилицу в замы сел.

ХОРЕК И СЛОН

Хорек шипел:
— Вы только посмотрите,
Нет у Слона ни Хитрости, ни Прыти...—
А Слон плевал на Хитрость и на Прыть.
Такой фигуре незачем хитрить.

ЦЕНА ДРУЖБЫ

В вопросах дружбы понимая толк,
Осел Мартышке

дал полтыщи в долг.

И с этого же самого числа
Мартышка стала избегать Осла.

ЦЕНИТЕЛЬ ПРЕКРАСНОГО

Он это лето проводил в Крыму.
Прекрасный Лавр понравился ему.
— О боже!—

изрекли его уста.—

Как много здесь... лаврового листа!

ЧЕБУРАШКА И БУМАЖКА

— Для чего ты, Чебурашка,
Копишь справки весь свой век?

— Без бумажки

ты — букашка,

А с бумажкой—

Человек.

ШУТКА-ПРИБАУТКА

Известно всем, что

«А»,

«И»,

«Б»

Сидели вместе на трубе.

Но кто ответит на вопрос:

Какой их черт туда занес?

ЩУЧЬЯ МИЛОСТЬ

Плотва и Вобла сообщают с мест,
Что Щука больше никого не ест.

С чего же Щука так мила со всеми?
Она
 меняет зубы
 в это время.

ЭКСПРОМТ-САМОЗВАНЕЦ

Значится
Нескромно
В качестве
Экспромта,
А над ним сидели—
Около недели.

ЮЛА

Во всей красе
Юлит Юла,—
И в этом все
Ее дела!

ЯКОРЬ

Он брошен с Корабля
 на дно.
Но будет поднят все равно.

ЯРЫЙ СТАРАТЕЛЬ

Он старается
Всем понравиться.
И вот именно потому,
Что старается
Всем понравиться,
Он не нравится
Никому.

* * *

И я согласен,
 что нужны
Нам Гоголи и Щедрины.
Но Щедрины да Гоголи—
Отнюдь не гоголь-моголи.

СОДЕРЖАНИЕ

Лирика. Публицистика	3
Сатиричкинки	30

Сергей Васильевич СМИРНОВ
ИЗБРАННОЕ ИЗ ИЗБРАННОГО

Редактор А. С. Пьянов
Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 24.03.88. Подписано к печати 24.05.88.
А 10360. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 2,32. Усл. кр.-отт. 2,45. Тираж 75 000 экз.
Заказ № 2219. Цена 25 коп

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда». Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

НЕМНОГО БИБЛИОГРАФИИ

В журнал «Крокодил» свои первые стихи молодой поэт Сергей Смирнов принес еще до войны, в 1938 году, когда у него не было ни одного собственного сборника. Стихи были опубликованы, как теперь говорится, с первого предъявления. Сатирический журнал, по сути, открыл для широкого читателя нового лирика, в чьих поэтических опытах пульсировала «крокодильская улыбчивость», веселость характера. С тех давних пор по нынешние времена автор постоянно публикуется в журнале и периодически выпускает свои сборники в крокодильской библиотеке.

Нынешний, 1988 год знаменателен для автора. Ему исполняется 75 лет; он отмечает 50-летие активного сотрудничества в журнале. За эти годы в издательствах страны, согласно библиографическим данным, вышло в свет более шестидесяти сборников стихов поэта, его лирики, публицистики, поэм, литературных пародий, эпиграмм и коротких басен, которым автор дал свое особое название — «сатиричинки». Такое название оправданно. Сатирические миниатюры — это гибриды коротких басен и эпиграмм, фольклорных афоризмов и броских речений разговорного обихода, запоминающихся формулировок, бытующих в нашей современной житейской «зlobe дня».

Автор жаждет, чтобы его «Избранное из избранного» пришлось по душе главному «потребителю», «его критическому высочеству» — товарищу читателю, ибо только для него автор сочинял, сочиняет и намерен работать в будущем. Есть надежда, что Муза будет благосклонной к сочинителю и впредь, а это залог появления новых поэтических книг, достойных повышенного читательского спроса.

Цена 25 коп.
Индекс 72996

